

«Хочу растопырить разум, как руки, – обнять две эти фигуры, сблизить их, что ли, чтобы поразмыслить...»

В.М. Шукшин

Используя слова Василия Макаровича Шукшина в качестве эпитафии, хотелось бы действительно растопырить разум, как руки и, обняв, сблизить две выдающиеся фигуры: фигуру самого Шукшина – писателя, режиссера, актера и фигуру удивительного русского мыслителя, философа Николая Федоровича Федорова. Поразмыслить и понять, как много в них общего, общих идей, общей философии жизни, общего миро-созерцания, духовности, сблизившей эти две вроде бы и непохожие фигуры, жившие в разных столетиях, но смотревшие на мир и видевшие его через единую призму христианского понимания добра и справедливости.

Проходят годы, и время расставляет все и вся по своим местам. Кто-то из авторов, писателей, поэтов, музыкантов, обласканный публикой, правителями своего времени, исчез, и имя его ушло в небытие. А чьи-то идеи, мысли, произведения, не признанные современниками, доказав свою жизнеспособность, пробилась через века. К числу этих удивительных людей, способных видеть на многие годы вперед можно отнести и

выдающегося русского философа Николая Федоровича Федорова. Его, казалось бы, утопическая идея «космизма» сегодня настолько реальна, что, наверное, никто, кроме специалистов, не сможет сказать точно, сколько людей побывало на сегодняшний день в космосе. Но интересно в его творчестве не только это, но и другое, что ставит его в один ряд с великими национальными мыслителями России. А это идеи о «братстве, родственности и отечественности».

Еще при жизни Николай Федорович печатался мало, зачастую в провинциальных губернских газетах и журналах, как, например, в Воронеже. Природная скромность делала Федорова человеком незаметным, неярким, и лишь благодаря Петерсону, его другу, некоторые идеи автора попадали в свет. Так в 1878 году Федор Михайлович Достоевский по запискам Петерсона познакомился с идеями Федорова и был настолько удивлен тому, что они мыслят и видят мир одинаково, но при этом независимо друг от друга, что пожелал непременно встретиться. В результате произошло знакомство двух великих людей. Не имея какой-нибудь

стройной системы своего учения, Николай Федорович пообещал подготовить Федору Михайловичу записку с систематизацией своих взглядов, над которой проработал два лета. К сожалению, Достоевскому не суждено было увидеть полный текст этой работы. Она была написана и опубликована, но после смерти писателя. Позднее она вошла в цикл трудов «Философии общего дела» под названием «Записка от неученых к ученым, духовным и светским, к верующим и неверующим». Интересны в этой «Записке...» мысли автора о братстве и небратстве, о родстве и неродстве, которые дали повод так называемой прогрессивной, либеральной общественности еще при жизни автора приписать Федорова к кругу консервативно-патриархальных мыслителей. Это в какой-то степени и сближает философию Федорова с творчеством Шукшина, вошедшего в плеяду уже советских «писателей-деревенщиков», также объединившихся в круг консервативно-патриархальных авторов России XX века. А суть этих мыслей Федоров выразил в следующем: «Только в учении о родстве вопрос о толпе и личности получает решение: единство не поглощает, а возвеличивает каждую единицу, различие же личностей лишь скрепляет единство, которое все заключается, во-первых, в сознании каждого себя сыном, внуком, правнуком, праправнуком... потомком, т.е. сыном всех умерших отцов, а не бродягою, не помнящим родства, как в толпе; и во-вторых, в признании каждым со всеми вместе, а не в розни, не в отдельности, как в толпе, долга своего к ним, ко всем умершим отцам...» Мысль о родстве, о любви к отцам и праотцам проникнута

глубоким христианским смыслом, о долге перед которыми всегда необходимо помнить, без любви к которым не может быть и любви к Отечеству, или «отечественности», которой автор заменил патриотизм. Николай Федорович пишет, что «Под небратским состоянием мы разумеем все юридико-экономические отношения, сословность и международную рознь. В вопросе о причинах неродственности под неродственностью мы разумеем «гражданственность», или «цивилизацию», заменившую «братственность», разумеем и «государственность», заменившую «отечественность». Отечественность – это не патриотизм, который вместо любви к отцам сделал их предметом своей гордости, т.е. заменил любовь, или добродетель, гордостью, пороком, а любовь к отцам любовью к себе самим, самолюбием». Насколько религиозный, христианский смысл вкладывает автор в свои слова. То, что для нас кажется обычным – гордость своими отцами, предками, для Федорова является грехом, пороком, гордыней, подменяющими собой любовь. Хотя при этом величие смысла текста не уменьшается. Любовь к отцам и Отечеству – вот главная русская национальная идея Федорова. Николай Александрович Бердяев в своей работе «Русская идея» писал о нем: «В учении Федорова очень многое должно быть удержано, как входящее в русскую идею. Я не знаю более характерно русского мыслителя, который должен казаться чуждым Западу».

Если внимательно всмотреться в творчество Шукшина, то можно увидеть, что многое роднит его с философией Федорова, это, прежде всего, общее христианское

мировоззрение. Федоров был глубоко верующим человеком, и Шукшин относился к Православию удивительно трепетно и нежно. Говоря о русском православном храме, Василий Макарович находит для него потрясающие эпитеты: «Белая красавица, светлая каменная сказка, чудо, гордость русского народа» (Рассказ «Мастер»), да и отношение к верующим бережно и тактично: «Глухов уважал набожных людей. За то уважал, что их преследуют, подсмеиваются над ними... За их терпение и неколебимость. За честность» (Рассказ «Бессовестные»). У Шукшина все главные понятия в жизни человека, такие как счастье, любовь, сила, проникнуты евангельским смыслом. Василий Макарович счастье видел в следующем: «Самое обыкновенное: человек каждый день открывает для себя мир. Он умеет смеяться, плакать. И прощать умеет. И делает это от души. Это – счастье». (Киноповесть «Живет такой парень»). Вот оно евангельское понимание счастья. Счастлив может быть только тот, кто умеет прощать. Такое же понимание и силы человеческой, не в разрушении, а в терпении: «Не это ли и есть сила-то человеческая – вот такая терпеливая и безответная?» (Рассказ «Страдания молодого Ваганова»). И, конечно же, любовь, которая управляет миром. Самое мучительное, но при этом и самое прекрасное чувство, которое должно коснуться каждого человека.

«Любовь ходит по земле.

– А чего она ходит?

– Чтобы люди знали ее и чтобы не забывали... Она красивая-красивая.

– Хоть бы разок увидеть ее.

– Увидишь. Она придет к

тебе» (Киноповесть «Живет такой парень»).

Рожденный в 1929 году в крестьянской семье в селе Сростки Алтайского края, Василий Макарович пережил военное лихолетье и уже с 16 лет, как только закончилась война, начал самостоятельную трудовую жизнь. Сначала в родном селе, в колхозе, а в 1946 году уехал в города Калугу и Владимир, где, не имея специальности, вынужден был работать и грузчиком, и слесарем, выполняя неквалифицированную работу. В 1949-м Шукшина призвали на флот, откуда он был уволен в запас по болезни. Вернувшись в Сростки, Василий Макарович начал работать учителем в местной вечерней школе, а затем и ее директором. Однако мечта многих молодых людей того времени стать артистом, да и случайная встреча, еще до службы на флоте, с известным кинорежиссером И. Пырьевым заставили Шукшина покинуть родное село. В 1954 году, в возрасте 25 лет, он уехал в Москву, где поступил в институт кинематографии (ВГИК) в режиссерскую мастерскую М.И. Ромма. С этого времени началась творческая жизнь самобытного русского режиссера, актера, писателя. В 1958-м он впервые снялся в кино, и в этом же году в журнале «Смена» был опубликован первый рассказ «Двое на телеге». А уже в 1964-м Шукшин выступил как самостоятельный кинорежиссер с полнометражным фильмом «Живет такой парень», сценарий к которому написал сам же. Этот фильм принес Василию Макаровичу известность. А жить оставалось Шукшину всего-то десять лет. Не стало его в 1974 году во время съемок фильма Бондарчука «Они

сражались за Родину». Вот эти десять лет в его жизни оказались самыми плодотворными. Если не рассматривать кинематографию, то как писатель Василий Макарович создал два романа, пьесу, четыре киносценария и около сотни рассказов.

В 60-е годы прошлого столетия в советской литературе появилось такое направление, как «деревенская проза», представленная творчеством «писателей-деревенщиков» В.П. Астафьева, В.И. Белова, В.Г. Распутина, Е.И. Носова. Они не ставили во главу угла своих произведений проблему революционного преобразования деревни в ходе коллективизации, что было как бы модно и актуально в то время, а отражали проблемы нравственности, смысла жизни, разрушения природы под воздействием прогресса. Показывали удивительные образы русского человека как носителя культуры, нравственных ценностей народа, человека, любящего свою родину Россию. И, как правило, носителем этих ценностей выступал деревенский житель, не испорченный достижениями цивилизации.

На первые рассказы Шукшина критика отреагировала моментально и сразу же причислила его к разряду «писателей-деревенщиков». И на это были свои причины, Шукшин ощущал себя частью русского мира, частью России, любовь к которой просматривается в каждом произведении. «Велика матушка Русь!» – говорит он в рассказе «Чужие», или «А над русской землей встает огромное солнце» (Киноповесть «Живет такой парень»). Очень любовно Шукшин говорит о деревенском мужике: «Это очень умный, хитрый и в то же время какой-то поразительно доверчи-

вый человек. Ведь это сегодняшняя Россия...» (Киноповесть «Печки-лавочки»). Шукшин противопоставлял деревню городу, называя последний «Вавилоном», в то же время считая, что деревня сохраняет в себе настоящую народную культуру, чистую, безгрешную – «Гремит и кривляется «ритмичная жизнь». То ли это какой-то вселенский шабаш, то ли завтра конец света. Не архангел ли Гавриил дует в свою сзывающую трубу, и нет ли тут – среди обаятельных дам и джентльменов – этих, с хвостиками и на копытцах?» (Киноповесть «Печки-лавочки»). Для Шукшина деревня намного понятнее, чище, нравственнее города, а главное – патриархальнее. Это – Россия, в чем-то неуклюжая, но своя, родная, такая, какая она есть.

Герои произведений Василия Макаровича – люди яркие, запоминающиеся. Сам автор делит людей на две категории «... один человек живет – горит, а другой – тлеет» (Рассказ «Бессовестные»). Вот и герои Шукшина люди горящие, при этом часто соединяющие в себе как бы два начала, где деревенский мужик «Мечтатель, выпивоха, ходячий анекдот» (Рассказ «Митька Ермаков»), «Вечный шут» (Рассказ «Крыша над головой»), «Забулдыга, непревзойденный столяр» (Рассказ «Мастер»), «Начитанный и ехидный» (Рассказ «Срезал»), «Дядя Иван, коновал, философ и художник» (Рассказ «Пьедестал»). Все эти персонажи запоминающиеся, и в каждом отражена грань русского характера, характера непростого, в чем-то конфликтного, ищущего, задающего вопросы, пытающегося на них дать свой простой, может быть, неграмотный, но чистый и искренний ответ.

Конечно, главная тема, которая во многом роднит творчество Федорова и Шукшина, это тема «родства, братства и отечественности». У Василия Макаровича целый ряд таких произведений, в которых прямо или косвенно она прослеживается.

Так, в рассказе «Приезжий» немолодой уже художник Игорь Александрович, волей случая, желая отдохнуть две недели в отпуске, случайно приехал в деревню Мякишево, где председатель сельского Совета порекомендовал ему для отдыха снять комнату в доме инженера Синкина. Вот в этом-то доме и произошла встреча Игоря с его бывшей женой и дочерью Ольгой, которых он очень давно потерял, будучи осужденным к лишению свободы. Казалось бы, неожиданная встреча, неподготовленное знакомство с дочерью, которая в итоге выгнала его из дома, ничего не предвещали хорошего. Но при этом замечательный финал небольшого рассказа, в котором Ольга, догнав отца, сказала ему и себе главные в жизни для них обоих слова: «Ты одинок, папа. Теперь ты не будешь одиноким».

Интересно начинается рассказ «Залетный». Запил, уважаемый в деревне человек, кузнец Филипп Наседкин. Его жена Нюра-Заполшная, в соответствии со своим прозвищем и по традициям того времени, решила спасти мужа, т.е. вызвать Филиппа на заседание правления колхоза, чтобы как следует пропесочили и направили в нужное русло. Однако на заседании все и выяснилось. На самом деле Наседкин не запил, а вечерами ходил на край деревни, туда, где жил бывший художник Саня – тяжело больной человек, купивший ветхий дом у цыган и приехавший

из города, по сути, умирать. Саня «был неподдельно добрый человек. Тянуло к нему как к родному, одинокому, смертельно больному. Можно было долго сидеть на старом теплом бревне и тоже смотреть далеко – в горы. Думалось – не думалось – хорошо, ясно делалось на душе, как будто вдруг – в какую-то минуту – стал ты громадный, вольный и коснулся руками начала и конца своей жизни – сморил нечто драгоценное и все понял». Деревенские замужние бабы возненавидели Саню, окрестив его прозвищем «Залетный», а вот Филипп сумел разглядеть в этом непонятном человеке душу, родившую в нем глубочайшее евангельское чувство братской любви, добра, чистоты, именно тем, что Федоров называл «братственностью». «Филя, когда бывал у Сани, испытывал такое чувство, словно держал в ладонях теплого еще, слабого воробья с капельками крови на сломанных крыльях – живой комочек жизни. И у Фили все восставало в груди – все доброе и все злое, – когда про Саню говорили плохо.

Он так и сказал на правлении колхоза:

– Саня – это человек. Отвяжитесь от него. Не тревожьте».

Через неделю Сани не стало, он помер. Помер на руках у человека, искренне любившего его. Любившего ни за что. Просто так. Как брата, потому что рядом было тепло и хорошо. «Филя и другие мужики схоронили Саню. Тихо схоронили, без лишних слов. Помянули».

Удивительный русский человек, в его характере могут скрываться самые противоречивые свойства, такие как бравада, обидчивость, мстительность, но при

этом и безграничная доброта и отзывчивость, как в рассказе «Сураз» у Спирьки Расторгуева. «Рос дерзким, не слушался старших, хулиганил, дрался... Мать вконец измучилась с ним и махнула рукой.

– Давай, может, посадят.

И правда, посадили. После войны».

И все-таки «Добротой своей он поражал, как и красотой. Мог снять с себя последнюю рубаху и отдать – если кому нужна. Мог в свой выходной поехать в лес, до вечера пластаться там, а к ночи привезти машину дров каким-нибудь одиноким старикам. Привезет, сгрузит, пойдет в избу.

– Да чего бы тебе, Спиренька, ангел ты наш?.. Чего бы тебе за это? – суется старики.

– Стакан водяры. – И смотрит с любопытством...» Все просто, как у Федорова – «отечественность», т.е. любовь к отцам, без причины, без вопросов: «А почему? А за что?» Только лишь потому, что они отцы.

Эта же тема звучит и в рассказе «Солнце, старик и девушка». Каждый вечер, после того как спадала дневная жара, на берег реки Катунь выходил восьмидесятилетний старик, садился на одно и то же место у коряги и, не шевелясь, смотрел, как огромный огненный шар Солнца, медленно погружается за вершины Алтая. Однажды к нему подошла молоденькая девушка с плоским чемоданом и попросила разрешения рисовать его. Получив согласие, она принялась за свое занятие, достав лист бумаги и карандаш. После того как Солнце пряталось, они договаривались о встрече на следующий день и расходились. Первой уходила художница, а чуть позже, медленно ступая, старик. Рисуй

старика, девушка понимала, что, вернувшись домой в город, она опять получит нагоняй от своего учителя – «талантливого, настоящего художника», за то, что «Опять морщины!» В этих морщинах считавший себя, видимо, даровитым, маститым мастером художник не видел динамики, развития, ответа на вопрос: а что же дальше? Отсутствовали движение, молодость, красота, сила... Т.е. стояло все – старик, берег, неподвижные горы. Однако на другой вечер они опять сидели рядом. Он смотрел на Солнце, а она торопливо рисовала его, его старые, морщинистые руки. Однажды во время беседы девушка подняла из прибрежного песка камень, передала его старику и спросила «как он называется?» Старик, мельком глянув на камешек, рассказал, что это «кремешок», которым в войну, не имея спичек, добывали огонь. Здесь девушку поразила догадка, что старик – слепой, ведь так долго смотреть на Солнце зрячий человек просто не сможет. Рассказав о своей жизни, где и с кем он сейчас живет, старик с художницей распрощался, не догадываясь о том, что эта встреча на берегу была последней. Старик, пожаловавшись на ломоту, медленно ушел по тропинке в сторону дома, где он жил с сыном и снохой, низко опустив голову, словно всматриваясь в тропинку, при этом ни разу не споткнувшись. На другой день художница пришла на берег, потом еще на следующий и на четвертый, но старик все не приходил. Она пошла его искать. По описанию отыскала дом, возле которого мужчина стругал доску. Это оказался сын старика, рассказавший, что его отец умер и что действительно последние десять лет он ничего не

видел. Художница вышла из ограды дома, прислонилась к плетню и заплакала. «Ей было жалко бабушку. И жалко было, что она никак не сумела рассказать о нем. Но она чувствовала сейчас какой-то более глубокий смысл и тайну человеческой жизни и подвига и, сама об этом не догадываясь, становилась намного взрослей».

Здесь пересекаются идеи, заложенные Федоровым и подхваченные, может быть, даже бессознательно Шукшиным, об «отечественности», о неразрывности и о преемственности поколений, о том духовном богатстве, которое от отцов, дедов переходит к нам, и, получив которое, мы становимся взрослей. Шукшин в своем творчестве как бы призывает к бережному отношению к святыням народной жизни, к простой любви, без поклонений, без гордыни, как призывал Федоров, не делая из них кумира. Измена этим ценностям грозит потерей всего, имени, лица и превращением русского человека в «Ивана, не помнящего родства».

Пожилые люди в произведениях Шукшина трогательны своей беззащитностью, добротой, страхом быть обузой, преданной всепрощающей любовью к детям, в стремлении понять их. Их мудрость полна достоинства, в чем-то, может быть, и не актуальна, но пронизана многовековым опытом отцов, дедов, прадедов. А часто у Шукшина наблюдается и взаимное стремление помочь, не оставить,

устроить жизнь немолодым уже людям. Вспомнить хотя бы слушай с Пашкой Колокольниковым (киноповесть «Живет такой парень»). Его посредничество в сватовстве своего друга и наставника Кондрата Степановича к тетке Анисье носит в какой-то степени и трагикомический характер, но искренно, подкупает своей неподдельной душевностью. А вот в случае с Егором Прокудиным (киноповесть «Калина красная») встреча его с матерью спустя многие годы сопряжена с глубоким душевным надрывом, душевной болью, «точно жгли ее медленным огнем», восстановлением внутреннего стержня, делающего из уголовника, потерявшего «отечественность» человека, мужика, взвалившего на себя ответственность и за мать, и за жену Любу Байкалову.

Конечно, неправильно было бы считать, что только тема «родства, братства и отечественности» сближает творчество Федорова и Шукшина, а еще неправильной было бы думать, что только Федорова и Шукшина объединяет эта тема. На самом деле эта тема коснулась и творчества Федора Михайловича Достоевского, и Льва Толстого, и Андрея Платонова, и многих других самобытных русских писателей, не стремившихся быть модными, востребованными конъюнктурой проносившейся мимо жизни, а вышедших из глубины русского народа, пишущих о народе, для народа и во имя народа.

Владимир Николаевич РЯПОЛОВ
г. Воронеж

